

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИДЕИ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ СИБИРСКОГО СЕПАРАТИЗМА

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 16-03-00421.

На материалах истории Сибири формулируется проблема поиска критериев тождества национализма на одной территории. Изучается соотношение идей и практик сибирского сепаратизма. Анализ трехвековой истории сибирского сепаратизма показывает, что его не существовало непрерывно в своем развитии, но существовал сибирский дискурс, пропагандировавший идею самостоятельного политического развития Сибири, оспаривавший идею единства России. Этот дискурс основывался на эмоциях и чувствах жителей Сибири, которые испытывали эмоцию зависти к лучшим социальным условиям жизни в России, и такое положение жители края обоснованно считали несправедливым.

Ключевые слова: национализм; нация; идентичность; интеллектуалы; элита; интеллигенция; сибирское областничество; сибиряки.

Идея о колониальном статусе Сибири в составе России не менее двух веков волнует умы как сторонников идеи самоопределения региона, настаивающих на его колониальной зависимости от России (поразному называвшихся в общественно-политическом дискурсе – областниками, сибирскими патриотами, сибирскими националистами или сепаратистами), так и ее противников, которые отрицают колониальную зависимость сибирской провинции, представляя ее как неотъемлемую, полноправную, провинциальную часть российской государственности. Сибирское областничество постоянно привлекает внимание отечественных исследователей. История его изучения к настоящему времени уже стала предметом историографического анализа [1]. Однако постоянно модернизирующийся дискурс о колониальной зависимости Сибири на фоне его высокой общественной значимости и периодические всплески политического сепаратизма в регионе вновь и вновь заставляют исследователей обращаться к истории движения за суверенизацию Сибири.

В рамках данной статьи обращение к истории сибирского национализма имеет целью осмыслить проблему поиска критериев тождества национализма на одной территории. Применительно к истории сибирского национализма правомерно поставить вопрос: можно ли вести речь о поступательном развитии областнической идеи, имеющей за собой трехвековую историю, или было несколько не связанных между собой всплесков националистического дискурса и «сибирского сепаратизма», детерминированных текущей общественно-политической ситуацией в России? В этой связи одной из нерешенных проблем истории является определение соотношения исторических взглядов и политических практик сторонников самоопределения Сибири.

Рождение сибирского сепаратизма часто относят к Петровской эпохе. В публицистике и литературе распространена версия о том, что князь М.П. Гагарин, планировал обратить Сибирь «в самостоятельное королевство». Якобы за сепаратизм, а не за казнокрадство, присущее всем представителям «гнезда петрова», князь был повешен в Санкт-Петербурге перед окнами Юстиц-коллегии в присутствии Петра I. В подтверждение этой версии не приводится серьезных доказательств. Однако ее поддерживали первый рус-

ский историк В.Н. Татищев и сибирский историк П.А. Словцов. Если признать ее реальность, следует отметить, что у сторонников версии о сепаратизме М.П. Гагарина нет упоминаний о существовании идеи особого сибирского народа, отличного от русского. Сибирский сепаратизм М.П. Гагарина мог быть основан в первую очередь на личных амбициях князя и на разговорах среди сибиряков, недовольных диктатом Москвы. Условием его возникновения было обособленное географическое положение Сибири. Современный российский историк М.О. Акишин, изучив этот вопрос, отмечает, что в следственном деле князя М.П. Гагарина нет данных о плане по отделению Сибири от России. По его мнению, легенда о сепаратизме князя возникла среди жителей Тобольска и на протяжении XVIII–XIX вв. была там широко распространена. Не веря легенде о намерении М.П. Гагарина отделить Сибирь, исследователь считает, что «возможно, эта тобольская легенда отражает отголоски разговоров, которые вел кн. М.П. Гагарин, и верхи сибирской администрации. Столь долгое бытование легенды свидетельствует о том, что она наложила определенный отпечаток на формирование самосознания русского населения Сибири» [2. С. 203]. Подчеркнем, что для возникновения подобной легенды должна существовать определенная почва. Независимо от реальности или вымышленности факта сепаратизма князя М.П. Гагарина само появление и широкое распространение этой легенды в бытовых разговорах и общественно-политическом дискурсе XVIII–XX вв. позволяет утверждать, что как минимум с XVIII в. в Сибири устойчиво развивался сепаратистский дискурс, выражавший идею о независимом политическом развитии края. Причем первичной основой для развития этого дискурса служили не исторические или политические идеи, а эмоции, вызванные недовольством части населения несправедливой политикой Российской империи в отношении сибирской окраины.

Идейную почву для зарождения сибирского областничества как общественно-политического движения подготовили Н.И. Костомаров и А.П. Щапов. Оба русских историка в своих работах оспаривали имперскую систему управления Российской империи и этнографическое единство русского народа. Происхождение историков во многом определило их исторические идеи. Уроженец Украины Н.И. Костомаров

обосновал идейные основы украинского национализма, а сибиряк А.П. Шапов – сибирского. В ходе разработки земско-областной теории А.П. Шапов сформулировал концепцию Сибири как особой области, в которой под влиянием природно-климатического фактора сформировалась особая сибирская народность [3. С. 320]. Научная теория А.П. Шапова подготовила историческую основу для формирования общественно-политических взглядов и политической практики сибирских областников. При этом исторические взгляды А.П. Шапова имели сущностное отличие от взглядов главных идеологов сибирского областничества – Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина, которое очень точно определил историк А.Э. Зайнутдинов. Если А.П. Шапов рассматривал Сибирь в составе России (Сибирь как часть целого), то для областников она представлялась самостоятельным целым, что логично вело их к сепаратизму [4. С. 45].

Однако наличие исторических идей и сепаратистского политического дискурса – не изначальная причина появления «патриотов Сибири». Толчком для рождения сибирского патриотизма были эмоции, возникавшие как ответная реакция на несправедливость в отношении сибиряков со стороны России. Именно эмоции играют определяющую роль в том, что человек становится националистом, начинающим разделять людей по принципу «мы» и «они». Г.Н. Потанин вспоминал, что его сепаратизм начался в Омском кадетском корпусе, где существовало разделение учеников на «казаков», уроженцев Сибири (будущих казачьих офицеров), и «дворян», большинство из которых происходили из Европейской России (будущих пехотных офицеров). Потанин вспоминал: «Рота состояла из детей уроженцев разных губерний; тут было много таких, которые до поступления в корпус жили в Европейской России; напротив, эскадрон состоял исключительно из казаков; это были уроженцы казачьих станиц, протянувшихся линией от Петропавловска до Бийска. Таким образом, все эскадронные кадеты были сибиряки. Вот где были скрыты семена культурного сибирского сепаратизма. Само правительство разделением корпуса на роту и эскадрон заложило эти семена. Вероятно это разделение было сделано с намерением сохранить дворянскую чистоту в детях дворян. Бельэтаж – это была Европа, нижний этаж – Азия. В бельэтаже учили танцам, а казаков в те же часы – верховой езде; в бельэтаже учили немецкому языку, а в нижнем этаже в те же часы – татарскому» [5. С. 42]. Если судить по воспоминаниям Г.Н. Потанина, его восприятие действительности порождало эмоцию зависти, вызванную неравенством статусов казаков и пехотинцев. В сознании молодого кадета сложилось противопоставление: «мы» – казаки, эскадрон, сибиряки; «они» – пехотинцы, рота, россияне. Такое статусное неравенство подсознательно подводило к мысли о необходимости отделить Сибирь от России, установив в крае социальную справедливость. Таким образом, эмоция зависти, вызванная чувством социальной несправедливости, впоследствии сделала Г.Н. Потанина идеологом сибирского областничества.

Сибирское областничество громко заявило о себе в 1865 г. в результате расследования властями в Ом-

ске дела о заговоре с целью отделения Сибири от России, наделавшего в стране много шума. Дело началось с того, что в Омском кадетской корпусе была обнаружена листовка, призывающая к отделению Сибири от России. Военный характер этого учебного заведения усиливал резонанс дела о попытке отделения Сибири от России. По делу по всей Сибири привлекалось более 70 человек. Лидеры областников Н.М. Ядринцев, Г.Н. Потанин, С.С. Шашков были осуждены. Расследование дела способствовало организационному оформлению областничества в общественно-политическое движение. С этого времени сибирских сепаратистов стали называть областниками. Как правило, историки характеризуют сибирское областничество как автономистское или регионалистское движение. На наш взгляд, это не вполне точно. Материалы следственного дела дают основания утверждать, что в то время произошло идейное и организационное оформление сибирского национализма в общественно-политическое движение, каковым, в сущности, являлось сибирское областничество.

Наиболее авторитетный специалист по истории сибирского областничества М.В. Шиловский, проанализировав содержание программных прокламаций областников «Сибирским патриотам» (написана С.С. Поповым) и «Патриотам Сибири» (отредактирована Н.М. Ядринцевым и С.С. Шашковым), совершенно верно утверждает: «Главной идеей обоих воззваний является призыв к борьбе за независимость Сибири посредством вооруженного восстания» [6. С. 39]. Однако далее М.В. Шиловский соглашается с оценкой сепаратизма областников, данной сибирским эмигрантским историком С.Г. Сватиковым, разделяя радикальный сепаратизм С.С. Попова, выражавший взгляды купцов Иркутска и Кяхты, и «чистейший автономизм» Ядринцева и Потанина, выражавших мнение большинства сторонников областничества [Там жеб. С. 41]. Такое разделение вызывает возражения. Во-первых, идея сибирского сепаратизма в прокламации «Патриотам Сибири» сформулирована достаточно радикально. Исходя из идеи признания особых сибирских интересов, в прокламации содержалось требование «самостоятельности Сибири, и она должна отделиться от России во имя блага своего народа, создавшего свое государство на началах народного самоуправления» [7. С. 94]. Во-вторых, важно учитывать, что сибирские интеллектуалы, идеологи сибирского областничества Н.М. Ядринцев и Г.Н. Потанин, представляли в прессе жителей Сибири как в этнографическом отношении самостоятельный народ, образовавшийся под влиянием природно-географических условий региона. В статье «Этнологические особенности Сибирского населения», опубликованной в газете «Томские губернские ведомости» за 1865 г., отложившейся в материалах следственного дела «сибирских сепаратистов» о «типе сибиряка», говорилось: «Этот выработанный тип совкупил в себе свойства азиатских племен со свойствами европейско-русской расы. Утвердивший за собой естественным образом свою самостоятельность, он широким потоком разливается по великой сибирской низменности вплоть до Восточного океана. Он утвержда-

ет за собой владычество взамен древних несовершенных рас. Ему-то и суждено в истории мира водрузить великую европейскую цивилизацию среди новых племен, в новозавоеванных землях, которые должны быть его новым Отечеством» [8. С. 53]. В-третьих, главные идеологи сибирского областничества Н.М. Ядринцев и Г.Н. Потанин никогда не скрывали своих конечных сепаратистских планов по отделению Сибири от России. Они корректировали и вуалировали их в зависимости от политической ситуации в стране. В своих воспоминаниях Г.Н. Потанин откровенно признавал наличие в сибирском областничестве элементов культурного и политического сепаратизма: «Культурный сепаратизм не покрывает собой всего понятия об областничестве, очертания последнего шире этого термина. Областничество включает в себя сепаратизм не только в области культуры, но и в области политики, за исключением только самого крайнего акта (покушение на целостность государства)» [5. С. 210]. Заключительная оговорка как раз и была сделана Г.Н. Потаниным по соображениям полноты и объективности.

Если присвокупить сепаратистские призывы идеологов областничества об отделении Сибири от России к их публичным заявлениям о существовании особого типа «сибиряков», становится очевидным, что к 1865 г. в крае сложился сибирский национализм. В областническом дискурсе 1860-х гг. еще не использовалась дефиниция «нация», которая стала широко употребляться в России несколько позднее. Но областники уже создали концепцию, в рамках которой, в интересах этнографического типа «сибиряка», исходя из экономических и политических интересов жителей Сибири, проповедовалось отделение края от России и образование в нем самостоятельного государства. Поэтому прав М.В. Шиловский, подчеркивающий обоснованность наказания областников несмотря на то, что «дело явно глушили местные власти» [9. С. 239].

На фоне постепенного спада революционного движения в России, после отбытия наказаний сибирские националисты продолжили общественно-политическую деятельность, сосредоточив свои усилия на культурном сепаратизме. Это объясняется не изменением взглядов областников, а текущей обстановкой в стране. В тот период политический сепаратизм был нереалистичен. Основой областничества стали исторические идеи о колониальной зависимости Сибири от России, концептуально сформулированные в появившейся в 1882 г. знаменитой работе Н.М. Ядринцева «Сибирь как колония». Концепция Н.М. Ядринцева основательно проанализирована в исторической науке. В.К. Коржавин представил концепцию Н.М. Ядринцева в виде тезисов: «1. Сибирь – угнетенная колония Европейской России. 2. Сибирь имеет свои особые интересы, а следовательно, и задачи (“сибирские вопросы”). Решение этих задач необходимо как для ликвидации колониальной зависимости края, так и для его развития вообще. 3. Сибирские вопросы могут быть решены только усилиями сибирского общества, так как лишь оно жизненно заинтересовано в этом» [10. С. 11]. На наш взгляд, к этим по-

ступатам следует добавить тезис о существовании особой сибирской народности – «народно-областного типа» «этнографического типа» (формулировки, встречающиеся у Н.М. Ядринцева). Развивая идею о существовании сибирской народности, он писал: «Врезавшись в среду инородческого населения, русские по преимуществу обинородчивались по окраинам, и от окраин, в большей или меньшей степени, влияние это распространилось на всю массу населения, так что инородческая кровь окрашивала русскую национальность даже там, где она не была в непосредственном соприкосновении с инородцами. Поэтому из русского населения на Востоке должен был сформироваться новый тип» [11. С. 61]. Подчеркнем, что первая глава работы Н.М. Ядринцева посвящена обоснованию именно этой идеи, представлявшей из себя фундамент его концепции. Идея о колониальной зависимости Сибири от России приобретала большее политическое звучание в случае доказательства существования особого сибирского народа, отличного от русского с собственными культурными, политическими и социально-экономическими потребностями и интересами. Это было принципиальным для областников, являвшихся своеобразными «националистами без нации». Сибирский национализм как политическая идеология уже родился, развивался, и ему было крайне необходимо породить сибирскую народность – нацию сибиряков.

В условиях укрепления российской государственности сибирские националисты сосредоточили усилия на пропаганде своих взглядов в печати, привлекая внимание общества к «сибирским вопросам» поставленным Н.М. Ядринцевым. С этой целью областники становились редакторами газет, стараясь создать свою печать. Первой полноправной областной (областнической) газетой стала иркутская «Сибирь» с того момента, как ее фактически возглавил В.И. Вагин. Чуть позже возникла в Петербурге газета «Восточное обозрение», а в Томске – «Сибирская газета». (№ 1 «Сибирь» появился 29 июня 1875 г. С 16 марта 1880 г. по распоряжению властей издание приостанавливалось, затем возобновлялось, издание просуществовало до 14 июня 1887 г. № 1 «Сибирской газеты» появился 1 марта 1881 г. – 14 июня 1887 г. по распоряжению властей издание приостановлено, а затем закрыто. С 7 января 1886 г. «Восточное обозрение» выходило в Иркутске. В сентябре 1890 г. по распоряжению властей издание приостановлено, вскоре после возобновления издания оно перестало быть областническим [12. С. 593].) Областнические газеты объединяли пропаганду идеи о наличии народности «сибиряки» и противопоставление интересов Сибири интересам России. У руководства ими находились областники: «Сибирской газетой» – А.В. Адрианов, «Восточным обозрением» – Н.М. Ядринцев, «Сибирью» – В.И. Вагин. Это давало им возможность подбирать кадры, материал для отдельных номеров, в общем, проводить областническую линию изданий.

Российские власти всерьез беспокоила пропаганда сибирского сепаратизма, и они начали контрпропаганду. В год издания работы Н.М. Ядринцева «Сибирь как колония» отмечался 300-летний юбилей

вхождения Сибири в состав России. Эта дата была использована государственной властью для пропаганды идеи единства Сибири и России. В официальной печати подчеркивалась связь переселенцев на Восток с русским государством и использовалась формула «неотъемлемая часть» применительно к Сибири [13. С. 187]. Следует подчеркнуть общественно-полезные аспекты деятельности сибирских националистов в последней трети XIX в. Областники поставили перед властями и общественностью актуальные для развития Сибири вопросы об отмене уголовной ссылки, введении земства и положении сибирских инородцев. Но в первую очередь это положительное решение вопроса об открытии университета в Сибири. По поводу значения сибирского университета для областников российский историк А.В. Ремнев писал: «Для областников “идея” сибирского университета была шире только вопросов подготовки специалистов с высшим образованием, университету готовилась высокая миссия по формированию собственной сибирской интеллигенции, способной за собой вести “сибирский народ”» [14. С. 111]. Малочисленность местной сибирской интеллигенции являлась препятствием для распространения идей сибирского национализма. Сибирский университет мог подготовить интеллигенцию с сибирским самосознанием, поэтому университетский вопрос активно отстаивался областниками. Надежды сибирских националистов на университет как институт подготовки своих сторонников из представителей интеллигенции отчасти оправдались. В стенах Томского университета учились и работали многие видные областники, университет стал площадкой для обсуждения областнических идей и организации областнических форумов в XX столетии.

Всплеск активизации областников произошел в ходе Первой русской революции 1905–1907 гг. На начальном этапе революции областническая элита надеялась объединить на платформе движения все политически активные оппозиционные силы региона. Как отмечает М.В. Шиловский, «по инициативе областников был подготовлен проект организации регионального самоуправления с областной думой. Он послужил основой для оформления летом – осенью 1905 г. блока областников, эсеров и кадетов... Однако, скрепленный областническими лозунгами блок в лице Сибирского областного союза развалился после опубликования манифеста 17 октября 1905 г. Поэтому к концу Первой русской революции вновь определился кризис областнического движения: его лидерам не удалось повести за собой интеллигенцию, провалилась попытка создания собственной политической организации» [6. С. 174–175].

Сторонников общероссийских политических сил в Сибири от областничества отталкивала традиционная идея сибирских националистов об особом сибирском народе. Ее публично озвучивал Г.Н. Потанин, в отличие от Н.М. Ядринцева делавший акцент не на смешении народов, а на климате Сибири. Об этом Потанин писал: «Климат – самый упорный, самый законченный сепаратист, и ничто не помешает ему вопреки шовинистским, обрусительным и т.п. вожделям образовать расу» [15. С. 267]. При этом далеко

не все областники поддерживали радикальные взгляды Г.Н. Потанина об отличии сибиряков от русских. Редакция журнала «Сибирские вопросы» (редактировался П.М. Головачевым) в статье «Новый сборник статей о Сибири» выразила несогласие с мнением патриарха областничества. В редакционной статье писалось: «Особым типом сибиряка признать нельзя... Г.Н. Потанин – сторонник нераздельной России, но он считает себя культурным сепаратистом. Мало ли недостает в самой коренной России, но это еще не резон отмежеваться от русской культуры и пытаться сделать невозможное – создать особую культуру, создать особую *нацию*» (выделено мной. – А.В.) [16. С. 174–175]. Таким образом, некоторые современники уже в то время откровенно оценивали культурный сепаратизм Г.Н. Потанина как попытку создать новую нацию.

После политического поражения в ходе Первой русской революции сибирские националисты продолжили прежнюю политику по возвращению ростков культурного сепаратизма. Для иллюстрации идей, лежащих в его основе, интересна статья в журнале «Сибирский студент» под названием «Основы моих сибирских симпатий». Журнал, рассчитанный на то, что его будут читать молодые представители сибирской интеллигенции, являлся областническим, и особенно показателен в этом отношении номер, посвященный восьмидесятилетию юбилею Г.Н. Потанина, использованному сибирскими националистами с целью привлечь внимание общественности к областничеству. В начале статьи автором ставился вопрос: «Почему и для чего я считаю себя сибиряком?». В ходе ответа на него автором создается вымышленный образ, пример для подражания молодежи. Отвечая на вопрос, автор определяет начало своего чувства: «Природа Сибири первое, что является фундаментом моей привязанности к стране». После этого он придает своим убеждениям религиозный характер: «Обладая этим чувством, я обладаю величайшей моральной ценностью. Оно религия моего сердца». Из этого чувства, в интерпретации автора статьи, рождается «сибиряк – гражданин своего отечества». В заключении, дается объяснение того, «для чего он считает себя сибиряком». «Это больше всего и прежде всего было вызвано собственной моею внутренней потребностью – осмыслить и логически обосновать (если это возможно) врожденное чувство любви к Родине. Эта Родина называется Сибирью, так как только любовь именно к Сибири придется доказывать: любовь француза к Франции, даже любовь русского человека к своей метрополии доказательств не требуют» [17. С. 174–175]. Для дискурса сибирских националистов традиционно было важно противопоставить колониальную Родину – Сибирь, угнетающей ее метрополию – России, противопоставить народность и интересы сибиряка – народности и интересам русского жителя Европейской России. На таких идеях сибирские националисты старались воспитать местную интеллигенцию.

Русская революция открыла возможности для осуществления самых смелых планов сибирских националистов. Активное участие областников в раз-

витии политических процессов в Сибири в годы революции и Гражданской войны достаточно подробно освещено историками. Поэтому мы непосредственно обратимся к проблеме соотношения идей и практики в деятельности сибирских националистов. Наличие сибирского сепаратистского дискурса в XVIII в., подтверждавшее историческую преемственность идеи о самостоятельности Сибири, представлялось важным для сибирских националистов в XX в. Областник Н.Н. Козьмин отыскивал исторические корни сибирского областничества в исторических актах конца XVII – начала XVIII в. Он писал: «Сибирский патриот конца XVII или начала XVIII в. очень характерно высказал пожелание, чтобы “наше сибирство во веки пребывало”. Очевидно, что под “сибирством” он подразумевал совокупность сибирских граждан с их особыми интересами, обычаями и стремлениями. Следовательно, уже каких-нибудь сто лет спустя после водворения русских в Сибири, с одной стороны, образовалась разновидность русского племени, а с другой, создалось известное культурное обособление. Еще ранее, во второй половине XVII в., в исторических актах встречается упоминание о “сибиряках”» [18. С. 40]. Важно, что Н.Н. Козьмин отыскивал в прошлом уже не просто дискурс о самостоятельности Сибири, но и этнографические корни для развития современного ему сибирского национализма в XVII–XVIII вв. Следует подчеркнуть, что в начале XX в. в крае имелись немногочисленные носители идентичности «сибиряк». В делегатских карточках Чрезвычайного съезда в Томске социал-демократ В.Е. Писарев в графе «национальность» поставил «сибиряк», эсер Д.Ф. Портягин – «сибиряк-русский». В карточках депутатов Сибирской Областной думы также присутствует национальность «сибиряк», причем один из делегатов с гордостью написал, что «род ведется от дружины Ермака». И на съезде, и в думе многие депутаты в качестве второй самоидентификации указывали «сибиряк» [8. С. 54]. Наличие сибирской идентичности явилось важнейшим условием активизации областников в годы революции и Гражданской войны в России.

В дни Русской революции наиболее последовательные сибирские националисты показали, что траектория развития сибирского областничества неизбежно эволюционировала из сепаратизма культурного в сепаратизм политический. Новониколаевские областники организовались в крае одними из первых. Они создали Союз сибирских республиканцев-федералистов и издавали газету «Свободная Сибирь», через которую пропагандировали свои идеи. Рассказывая читателям о первом собрании областников города, состоявшемся 11 марта 1917 г., газета «Свободная Сибирь» подробно освещала исторические взгляды областников. О «сибиряках» в газете говорилось: «Этнографически русский элемент вошел в тесное соприкосновение и взаимодействие с различными народами финского и тюрко-монгольского племени и вследствие особых климатических условий образовал из себя особый культурный тип... Каждая область в государстве с разнообразными национальными потребностями имеет право на собственное управление

как необходимое условие развития и культурного роста этой области и всего государства» [19]. Для обоснования требований об автономии края новониколаевцы опирались на идейное наследие Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина, утверждавших отличие сибиряков от русских. Новониколаевские областники-федералисты, участвуя в выборах в городское народное собрание как самостоятельная политическая сила, в листовках и на страницах газеты «Свободная Сибирь» выдвинули новые для края политические лозунги: «Сибирь для сибиряков, а город для горожан!»; «Самоопределение и строительство жизни Сибири принадлежит всему сибирскому населению, живущему на территории Сибири!» [20]. Однако на выборах они потерпели сокрушительное поражение.

Лозунг из предвыборной программы новониколаевских областников «Сибирь для сибиряков» периодически использовался сибирскими националистами на всем протяжении революции и Гражданской войны в России в разных обстоятельствах, но, как правило, в самом радикальном варианте политического сепаратизма. Журнал «Сибиряк и крестьянин», издававшийся в Барнауле, в конце ноября 1917 г. напечатал статью «Сибирь и текущий момент» в связи с победой большевиков, обвиняемых их политическими оппонентами в предательстве национальных интересов России, в работе на германское правительство. В статье России предрекался статус германской колонии и ставился риторический вопрос о том, как в этой ситуации должны поступить сибиряки. Ответ на этот вопрос давался в форме призыва, выражавшего самый радикальный вариант сибирского сепаратизма. Журнал призывал к организации «на началах полной самостоятельности т.е. ввиду быстрых разрушительных действий большевиков России, как таковой отказаться от согласованности интересов Сибири с интересами европейской России, провозгласив грозный лозунг – “Сибирь – для сибиряков” а не для немцев!» [21]. Подобный призыв свидетельствовал об успешности пропаганды областников среди части представителей сибирской интеллигенции, для которых Родиной стала не Россия, а Сибирь. Если бы люди относились к России как к Матери – Родине (которая больна), они бы не стали призывать бросить мать в беспомощном состоянии. Они постарались бы ей помочь. Однако для сибиряков, воспринявших пропаганду областничества, считавших своей Родиной Сибирь, было логичным спасать ее. Поэтому в статье утверждалось: «Независимость и целостность Сибири может быть сохранена только своими силами и под собственными знаменами. Конечно, трудно основать Сибирскую самостоятельную республику, но все же это сделать нужно» [21]. С июля по ноябрь 1918 г., когда de facto существовала Сибирская республика, воплотившая самые смелые мечты сибирских националистов, наиболее радикально настроенные из них настаивали, что «Сибирь – для сибиряков», и обосновывали «объективные условия для отделения Сибири от России» [22. С. 62].

Сибирские националисты потерпели фиаско на выборах в Учредительное Собрание и в общесибирском масштабе. На состоявшихся в ноябре 1917 г. выборах во Всероссийское Учредительное собрание за

сторонников областного движения проголосовало 0,09% от принявших участие в голосовании (2 452 из 2 688 тыс. чел.) [23. С. 90]. Результаты выборов свидетельствовали о том, что у подавляющего большинства жителей Сибири отсутствовал сибирский патриотизм, основанный на осознании культурной обособленности сибиряков. Пропаганда сибирского национализма не вызывала у избирателей соответствующего эмоционального отклика и они не оказали поддержки представителям региональной политической элиты, ориентированным на областничество. Во время революции и Гражданской войны еще была жива идея сибирской автономии Г.Н. Потанин, и преемственность «молодого областничества» эпохи социальных катаклизмов от «старого областничества» 1860-х гг. не вызывает сомнений. Именно в условиях социальных катаклизмов, когда областничество сбросило с себя маску культурного сепаратизма, показав свою националистическую сущность, связанную с политическим сепаратизмом по отношению к России, стало очевидно, что сибирское областничество – это «национализм без нации». К этому времени сибирский национализм имел интеллектуалов, породивших основные идеи для развития, политическую элиту, готовую к политической борьбе под националистическими лозунгами, и небольшой процент сторонников из числа местных интеллигентов, готовых распространять идеи сибирского национализма через институты культуры. Однако большинству сибирской интеллигенции и массам местного населения сибирский национализм оказался чужд. После завершения Гражданской войны в России сибирский национализм в Сибири развиваться перестал. Его немногочисленные сторонники эмигрировали и по мере сил продолжали развивать его идеи за рубежом. Последним областником, подготовившим сибириеведческий труд, стал Г.Д. Гребенщиков. Можно согласиться с исследователем А.П. Казаркиным в том, что книга Г.Д. Гребенщикова стала «завершающим текстом областничества» [24. С. 75]. Однако деятельность сибирских областников за границей не оказывала влияния на жителей Сибири в СССР.

Потеря политической привлекательности областнических лозунгов в течение XX столетия объясняется рядом причин. «Во-первых, начавшая складываться в XIX столетии из сибирских старожилов-крестьян и сибирских казаков этнографическая группа “сибиряков” в течение XX века была размыта модернизационным процессом. Переселение крестьян из других областей России, мировые войны, сталинские репрессии привели в край массы населения, для которых областнические лозунги были чужды. В местах, из которых они переселялись, оставались “родные корни”, разрывать которые новые жители Сибири не хотели. Во-вторых, сибирское казачество, в недрах которого зародилось сибирское областничество, осознавало себя отдельной социальной группой с особыми интересами. Поэтому оно активно включилось в Гражданскую войну, встав, в основном, на сторону белогвардейцев. Большинство его представителей было уничтожено одержавшими победу в Гражданской войне коммунистами. В-третьих, коренные

народы Сибири, на которых при строительстве “сибирской нации” также рассчитывали сибирские областники, в результате революций и Гражданской войны успешно “суверенизировались”, добившись создания национально-государственных образований, в которых они стали титульными нациями, и лозунги сибирского национализма потеряли для них привлекательность. В-четвертых, появление и развитие железнодорожного транспорта, новых средств массовых коммуникаций, глубокая интеграция края в экономическую систему СССР разрушили условия замкнутого существования сибиряков, имевшие место в прошлом» [8. С. 363–364]. Таким образом, к середине XX столетия предпосылки для существования сибирского сепаратизма, как тогда казалось, были изжиты навсегда.

Сибирский национализм в форме сибирского областничества 1860–1920-х гг. претерпел политическую смерть. Вместе с тем сибирские областники оставили исторические идеи, которые в ситуации кризиса коммунистического режима и краха СССР, а также в кризисных условиях постсоветской российской государственности оказались востребованными новой когортой сибирских националистов, которых современные историки назвали неообластниками. Ростки сибирского национализма начали прорастать в ходе деятельности Союза содействия революционной перестройке (ССРП), созданного в Томске в июле 1988 г. Как отмечает исследовательница С.А. Величко, «ССРП в Томске первоначально действовал при парткоме Томского университета, его еженедельные собрания проходили в помещении университета. По своему социальному составу ССРП на 85% состоял из представителей интеллигенции, из них 15% имели ученую степень» [25. С. 52]. Деятельность томского союза от подобных союзов других сибирских городов отличала формулировка требований о самостоятельности Сибири. На основе ССРП в 1990 г. был создан Томский комитет «Сибирь», начавший активно пропагандировать идею трансформации Сибири в «конфедерацию сибирских земель» [26]. К созданию комитета «Сибирь» также были причастны активисты Томского народного движения (ТНД), более широкого по составу, чем ССРП. С.А. Величко следующим образом характеризует распространение идеи о суверенизации Сибири в Томске: «Учредительная конференция ТНД состоялась 4–5 ноября 1989 г. В программе ТНД были сильны идеи сибирской самостоятельности, “освобождения от колониальной зависимости московской метрополии”. В программе отразились идеи сибирского областничества, традиционно сильные в Томске» [27. С. 16].

В конце 1980-х гг. сибирский национализм активно начал возрождаться в научно-вузовской среде Томска. Об этом свидетельствуют материалы газеты «Томская трибуна». Практически весь номер от 24 мая 1990 г. был посвящен вопросу организации движения за конфедерацию сибирских земель. В издании сообщалось, что 25 мая 1990 г. в аудитории 204 главного корпуса Томского политехнического института состоится III конференция ТНД, один из вопросов которой – «О движении за независимость Сиби-

ри». В газете были опубликован проект документа «Этапы формирования Конфедерации Сибирских земель». Томские активисты имели четкую программу действий для сторонников суверенизации Сибири. Для создания координационного органа движения они хотели использовать конференцию «Потанинские чтения». На ней планировалось создать координационный орган движения. Во всех краях и областях региона задумывалось создать комитеты «Сибирь». Активисты движения должны были изучать и пропагандировать его исторические корни, осуществлять связь между комитетами, подготовку и пропаганду вопроса о проведении референдума по вопросу о создании Конфедерации Сибирских земель [28].

Активисты движения планировали «собрать заинтересованных представителей краев и областей на учредительную конференцию движения «Сибирь». Конференцию провести 1 июля в г. Томске в период проведения Потанинских чтений» [Там же]. Научный интерес к личности идеолога сибирского областничества, по замыслам активистов идеи о независимости Сибири, необходимо было использоваться для ее политической актуализации. Некоторые представители вузовской интеллигенции Томска стояли у истоков возрождения сибирского сепаратизма. В этой связи отметим, что чаяния областников XIX в. о сибирском университете, который даст кадры интеллигенции для развития сибирского сепаратизма, отчасти оправдывались. В то же время, например, часть советских историков были возмущены чествованием памяти Г.Н. Потанина в годы перестройки, прекрасно понимая политическую направленность этого. Автору предлагаемой статьи известный омский историк, профессор Э.Ш. Хазиахметов рассказывал о негодовании своего томского коллеги, профессора И.М. Разгона по поводу активизации в Томске почитателей памяти Г.Н. Потанина. Для сибирских националистов эпохи перестройки было важно связать свою деятельность с сибирским областничеством с тем, чтобы добиться для нее легитимности у населения региона. В этом отношении является крайне показательной статья «Идеи и люди сибирского областничества», напечатанная в газете «Томская трибуна». В ней деятельность современных активистов движения за суверенизацию Сибири связывалась с историей областнического движения. Автор статьи писал: «В деле создания Сибирской союзной республики идейное наследие патриотов края Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева должно быть взято современной демократической общественностью на вооружение». Подчеркнем сепаратизм сибирских националистов эпохи перестройки. В статье говорилось о «Сибирской союзной республике» только потому, что сторонники независимости Сибири понимали приверженность большинства сибиряков идее единства Советской страны. В то же время деятельность «сибирского Льва Толстого» Г.Н. Потанина, идеями которого призывал вооружаться автор статьи, характеризовалась следующим образом: «Такую всеобщую любовь сибиряков он завоевал благодаря бескомпромиссной борьбе за независимость Сибири от царского правительства». Если оценивать эту публикацию в контексте всего номера

газеты, можно утверждать, что она была нацелена призвать сибиряков на бескомпромиссную борьбу за независимость Сибири от советского правительства. Не случайно в номере приводились возмутительные для любого жителя региона экономические показатели положения Западной Сибири, со ссылкой на издание «Сибирская газета» утверждалось, что Новосибирской и Тюменской областям остается 1% от производимого вклада в бюджет страны [28].

Лозунги о самоопределении Сибири эпатажно использовались антикоммунистической оппозицией для борьбы с коммунистическим режимом. Исследователь С.Н. Новиков, оценивая постановку «сибирского вопроса» как имеющую «тактический характер», описывает празднование 72-й годовщины Октябрьской революции в Омске, когда в противовес официальному празднованию на улицах города было поднято бело-зеленое знамя с черной траурной лентой. Над «неформальной» колонной народофронтовцев, ДС, монархистов помимо антисоциалистических лозунгов присутствовал призыв «Даешь деколонизацию Сибири!» [29. С. 77]. Представители общероссийских политических партий в Сибири эпизодически ставили вопрос о ее самостоятельности, но, будучи участниками общегосударственных политических процессов, на практике дистанцировались от сибирского сепаратизма. По этому поводу С.Н. Новиков отмечает, что «сепаратизмом переболели представители Демсоюза, монархистов, Демплатформы в КПСС, анархо-синдикалистов... Наиболее последовательно с позиций анархо-синдикализма его рассматривали представители указанной организации, ставившие целью создания конфедерации Сибирских земель в составе Иркутской, Кемеровской, Курганской, Новосибирской, Томской, Тюменской и Читинской областей... Впрочем, анализ документов анархо-синдикалистов показывает, что за «сибирскую самобытность» был хорошо спрятан анархо-синдикалистский принцип создания государства» [30. С. 99]. С.А. Величко обращает внимание на слабое распространение идей анархо-синдикализма в Сибири, «несмотря на распространение в Сибири газеты анархо-синдикалистов «Свободная территория». В основном отделения КАС (Конфедерации анархо-синдикалистов) действовали в Иркутской области в Иркутске, Ангарске, Байкальске и Братске» [31. С. 248].

Следует отметить активность группы томских анархо-синдикалистов, пытавшихся противостоять вхождению структур общественно-политических движений выступавших за суверенизацию Сибири в общероссийское демократическое движение. Осенью 1990 года на конференции ТНТ было принято решение о вхождении в движение «Демократическая Россия» [32. Л. 12]. В ответ анархо-синдикалисты приняли специальную резолюцию общего собрания группы Конфедерации анархо-синдикалистов Сибири и Дальнего Востока, посвященную ситуации в Томске. В документе говорилось: «Томская группа КАС считает неприемлемым входить в новую государственную структуру (движение «Демократическая Россия»). Осуждаем попытку лидеров некоторых партийных организаций, входящих в Томское народное движе-

ние, втянуть ТНД в движение «Демократическая Россия» потому что это еще один шаг, уводящий ТДД от народа. Призываем организации, дорожающие интересами Сибири – сосредоточить усилия на работе Союза Объединения Сибири. Встревожены тем, что вопросы борьбы за власть стали преобладающими в деятельности ТНД» [32. Л. 13]. Интересы Сибири общероссийское движение не волновали. Не случайно на конференции в декабре 1990 г. сибирская тема была поставлена, но не вошла в резолюцию. В проекте резолюции были вычеркнуты следующие положения: «3. Принять меры к восстановлению выпусков “Томской трибуны”. 6. Обязательно документировать деятельность КС (“Комитета Сибирь”) и ТНД в целом. 7. Поддержать призыв Томской группы анархосиндикалистов о необходимости сосредоточить усилия членов ТНД на работе союза за освобождение Сибири» [Там же. Л. 21]. Сибирская тема не находила отклика в массах, поэтому большинство томских политиков, пытавшихся на ней играть, предпочли переориентироваться на общероссийскую проблематику и принять участие в борьбе за власть. Так было во всем Сибирском регионе. После распада СССР и образования Российской Федерации политики разыгрывавшие сибирскую тему, дистанцировались от нее и стали выступать с прямо противоположными идеями. С.В. Новиков приводит наблюдение, характеризующее беспринципность большинства политических деятелей демократической ориентации, в свое время поднимавших вопрос о колониальной зависимости Сибири. Исследователь пишет: «Сибирские политические лидеры демократического толка, получившие в своем большинстве должности и звания в структурах центральной государственной власти России дистанцируются от сепаратистских заявлений периода борьбы с КПСС против союзного руководства. Именно эти лидеры стали инициаторами аналитических записок в Контрольное Управление Правительства о возможных последствиях сепаратизма для политики российского государства» [33. С. 68].

Попытки отдельных политических активистов сибирской независимости на закате перестройки организоваться в политическую партию, занятую только сибирским вопросом, не встречали поддержки населения. Наиболее подробно эти сюжеты приведены в работах С.В. Новикова. В частности, он описывает ситуацию в Томске, где идея сибирской самостоятельности имела наибольшее число политически активных сторонников. Как отмечает исследователь, «в августе 1990 г. было заявлено о создании Сибирской народной партии. Каких-либо сторонников среди населения партия не получила. В 1991 г. сибирской теме был придан новый виток. В Томске была создана партия Сибирской независимости, сумевшая 26 февраля 1991 года поставить вопрос об одновременном, с референдумом СССР и РСФСР, проведении опроса населения области по самым жгучим ее проблемам. Речь шла об областном референдуме с вопросами: “Быть или не быть прямым выборам руководства области?”, “Быть или не быть праву приостановления действия на территории области актов союзного и российского центров, посягающих на интересы насе-

ления области?”. Помимо этих главных вопросов речь также шла о радиоактивных отходах, производстве БВК, станции теплоснабжения. Был предложен вопрос о целесообразности образования Сибирской Суверенной Республики. Президиум Томского облсовета идею проведения подобного опроса отклонил» [30. С. 99–100]. Активистами Партии Сибирской независимости на основе использования опыта прибалтийских республик в борьбе за независимость с СССР был разработан план-сценарий отделения Сибири от России к 1995 г. и проект создания независимого Сибирского государства. Однако идеи партии не встретили поддержки у сибиряков. В 1993 г. она заявила о самороспуске [33. С. 69].

Идеи немногочисленных интеллектуалов о политической самостоятельности Сибири не находили поддержки у политической элиты региона, не имели популярности среди интеллигенции и масс. Но сложная экономическая ситуация вынужденно подтолкнула сибирских губернаторов к проявлению самостоятельности в экономике, что проявилось в создании межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение» (МАСС). Исследовательница С.Д. Бакулина, характеризуя создание ассоциации, пишет: «Обращаясь к основным тенденциям на постсоветском пространстве, связанным с подъемом интереса к областническим настроениям в сибирской публицистике, отметим внимание к *идее формирования политических структур областнической направленности, которые виделись механизмом поддержания идентичности в процессе регионального развития*. Примером тому стала деятельность МАСС, которая разрабатывала концепцию самостоятельного выхода Сибири из экономического тупика путем объединения природных ресурсов, трудовых и научных кадров, удовлетворения нужд территории за счет собственных возможностей» [34. С. 34]. С такой постановкой вопроса можно отчасти согласиться. На этапе становления МАСС у руля организации находились политические деятели Новосибирска, пытавшиеся сделать акцент на региональной самобытности, осторожно связывая решение экономических проблем сибирских регионов с политической суверенизацией. Однако этот нюанс не стал определяющим для деятельности организации. Создание МАСС было вынужденной мерой, направленной на «выживание» сибирского населения в условиях развала экономики страны. В этой связи на официальном сайте организации в исторической справке о ее деятельности говорится: «В том же 1993 году на Совете ассоциации в первый и последний раз рассматривалась политическая ситуация в стране. Сначала потребовалось дать оценку центробежным тенденциям, назревавшим в Федерации. “Сибирское соглашение” приняло жесткое заявление, осуждающее попытки раскола России. Сделать это было важно ещё и потому, что и в адрес самой ассоциации доносились из столицы обвинения в сепаратизме, в стремлении отколоть Сибирь от России. Не один год пришлось убеждать, что проблема не в отделении некоторых территорий от России, а в том, чтобы выстроить равноправные отношения между регионами и центром» [35]. Региональная политическая

элита в лице губернаторов не поддержала идей политического сепаратизма, исходивших от интеллектуалов, добивавшихся суверенизации Сибири. МАСС сосредоточила свои усилия только на решении экономических проблем сибирских регионов в рамках существующего конституционного строя.

Несмотря на активную политическую деятельность, надежды томских сторонников сибирской независимости и их малочисленных сторонников в других сибирских городах не оправдались. Попытки создать жизнеспособные комитеты «Сибирь» в краях областях региона не имели успеха, также провалились политики, пытавшиеся создать политические партии с программными требованиями о политической самостоятельности Сибири. Среди жителей Сибири демократическое движение в общегосударственном масштабе стремительно набирало популярность на фоне падения доверия к коммунистам. Сибиряки не поддерживали местных патриотов, некоторые из которых являлись сепаратистами по отношению к России. К середине 1990-х гг. пропагандисты идеи суверенизации Сибири потерялись в общегосударственном демократическом движении, сосредоточившем усилия на демонтаже советского коммунистического государства и создании на его развалинах демократической российской государственности.

Во второй половине 1990-х гг. в Сибири была предпринята попытка создания сибирской региональной политической партии, которую нельзя квалифицировать как политический сепаратизм. Партия начала осуществлять деятельность на территории Новосибирской, Омской, Томской и Кемеровской областей. Ее активисты во всех публичных выступлениях заявляли о поддержке идеи единства России. В то же время учредители Межрегиональной общественной организации «Сибирская партия», зарегистрированной в Новосибирске в августе 1997 г., в уставе организации в качестве ее главной цели заявили о праве населения быть хозяином на своей земле и о необходимости «превращения Сибири из сырьевого придатка страны в регион устойчивого, динамичного развития с гарантированными социальными правами граждан» [36. Л. 2]. В заявлении-обращении Сибирской партии к сибирякам, в котором содержались признаки националистического дискурса, подчеркивалось, что **«Сибирская партия сегодня как никогда нужна всем**, потому что мы все сибиряки, люди особого сплава, особой судьбы и особой земли» [37. Л. 1]. В плане эмоционального содержания партийной пропаганды интересна листовка Сибирской партии, в которой говорилось: «В Сибири ежегодно добывается 100 т золота, или 68–72% от всей его добычи в стране. Сибирь дает более 70% нефти, 90% газа, 80% угля. Но живем мы хуже, чем население европейской части России. В Москве возводятся грандиозные памятники, а у нас безработица, низкий уровень жизни, задержка выплаты пенсий, долги по заработной плате. Численность сибирского населения сокращается. В страну проникают граждане сопредельных государств, идет ползучее отторжение ими российских земель. Существующие партии управляют Сибирью из Москвы и только в интересах Москвы. Такое положение нетерпимо!

Сибиряки, не раз спасавшие Россию, обжившие пространство русской Азии, сильные духом и сохранившие лучшие черты национального характера, – заслуживают достойной жизни наравне со всеми. Именно поэтому Сибирь испытывает острую нужду в политической силе, способной защитить ее народ от произвола московских, зарубежных и финансовых воротил, национальных и транснациональных корпораций. **Такая сила есть! Это – Сибирская партия!**» [38. Л. 1]. Дискурс листовки является показателем того, что, как и в XIX в., идея сибирской партии основывалась на эмоциях зависти сибиряков по отношению к жителям Европейской России и особенно Москвы, вызванной неравенством в условиях жизни населения. Однако идея региональной политической партии в Сибири не прижилась. Российские власти при помощи административного ресурса всячески пресекали любые проявления регионального самосознания и патриотизма, а у населения региона отсутствовала политическая культура, способствующая ее успешной реализации. В ходе укрепления в России вертикали власти широкая публичная деятельность региональной партии стала невозможной.

Как было показано, сепаратистский дискурс и идеи, питавшие его, существовали в Сибири с начала XVIII в. Областничество как общественно-политическое движение группы сибирских интеллектуалов сплотило часть местной интеллигенции с 1860-х по 1920-е гг. Возродив сепаратистский дискурс в годы Перестройки в СССР, группы интеллектуалов, его породившие, пытались связать свою деятельность с историческими идеями и политической практикой областников, но по факту, учитывая порядка 70 лет забвения, это было рождение нового сибирского национализма – «неообластничества», детерминированного новой перестроечной реальностью.

Несмотря на затухание сибирского сепаратизма к концу XX в., в начале XXI в. он вновь активизировался и вышел на политическую арену. И если в «смутные 1990-е» это было объяснимо ослаблением российской государственности, то в современных условиях ее укрепления существование сибирского сепаратизма требует объяснения. В настоящее время существуют факторы, прямо или косвенно способствующие его развитию в современной Сибири.

Во-первых, основной предпосылкой для развития сепаратизма в Сибири, на взгляд его сторонников, является несправедливое распределение доходов от эксплуатации природных богатств между Москвой и регионами Сибири. В таких условиях сторонники самостоятельности Сибири на первый план выдвигают требование экономической самостоятельности, которое заключается в том, «чтобы Сибирь, как единый регион, или совокупность регионов, обладала собственными ресурсами для развития, составляла и осуществляла свои планы экономического развития» [39. С. 290]. Согласно публикуемым в материалах современных средствах массовой коммуникации (СМК) данным, посвященным развитию сепаратизма в Сибири, уровень жизни сибиряков значительно ниже, чем у жителей столицы. И это при том, что Сибирь является основным донором для бюджета стра-

ны. Например, расходы бюджета на душу населения в год в Москве в 2010–2012 гг. составляли 147 023 руб., а в Новосибирске (являющемся одним из самых развитых городов края) – 34 311 руб. [40. С. 17]. При такой разнице для жителя Сибири очевидно, что его малая родина – сырьевой придаток Москвы. Поэтому современные акции сибирских националистов обязательно проводились с экономическими лозунгами и требованиями. Достаточно привести в пример акцию в Новосибирске «Марш за федерализацию Сибири» с лозунгом «Хватит кормить Москву» [41]. В Иркутском государственном университете по инициативе общественного движения «Областная альтернатива Сибири» прошел семинар для студентов 5-го курса Сибирско-американского факультета. Темой его было заявлено «Моделирование экономики государства Сибирь». Эти акции вызвали достаточно громкий общественный резонанс [42. С. 14].

Во-вторых, важнейшим фактором для развития сибирского сепаратизма во всех формах его проявления является политика федеральных властей. Напомним, что в предшествующий период политика Советского государства привела к ликвидации предпосылок для развития сибирского сепаратизма. Современные российские власти своей политикой игнорирования элементарных потребностей сибирского населения, создали новые предпосылки для активизации интеллектуалов с лозунгами о сибирской самостоятельности. В этой связи один из лидеров движения «Областная альтернатива Сибири» в беседе со столичным корреспондентом О. Герасименко заявил: «Для нас федералы – это захватчики. 20 лет я занимаюсь проблемами Восточной Сибири – все они порождены только политикой федералов. От приватизации до офшорной политики холдингов, от навязанной нам структуры муниципалитетов до запрета ловить в Байкале рыбу местным жителям. Разгром Ленского флота, 15 машиностроительных заводов Иркутска, обанкроченных целенаправленными действиями федералов, губернаторы-гастарбайтеры, не способные понять, куда их прислали губернаторствовать, – все для нас губительно. Золотая Орда у Руси забирала 10% – и это называлось татарским игом. А как назвать, когда забирают 70%?» [42. С. 15]. Общавшаяся с активистами движения за суверенизацию Сибири корреспондент О. Герасименко сделала довольно точное наблюдение о социальной базе для протестных настроений. Она пишет: «сепаратизма не существует, есть просто недовольные текущим положением дел люди» [Там же. С. 20]. Это верно в отношении масс сибиряков, поддерживающих активистов сибирской самостоятельности, но не правильно в отношении деятельности интеллектуалов, порождающих и тиражирующих сепаратистский дискурс, организующих политические акции по агитации за суверенизацию Сибири.

В-третьих, за три века русской колонизации Сибири в регионе сформировалась культурная идентичность местного населения. Некоторые жители Сибири считают себя в первую очередь «сибиряками», а не «россиянами» или «русскими». Сибиряк чувствует себя жителем колонии, и идеи сибирского сепаратизма при умелой пропаганде вызывают симпатии среди

некоторой части населения региона. Чем сильнее будет разрыв в уровне жизни москвича и сибиряка, тем среди большего количества сибиряков будет популярна идея сибирской самостоятельности. Современные исследователи отмечают, что «разница в оценках возможного официального самоназвания с очевидностью показывает противоречивое отношение сибиряка к России. В его интерпретациях Россия либо сужается до размеров федерального центра – “владельца колоний”, либо теряет географические очертания и становится воплощением культурной прародины, духовное родство с которой не зависит от политической конъюнктуры» [43. С. 117]. Так, известный томский историк В.П. Зиновьев следующим образом характеризует свое самосознание: «Думаю, что многие жители нашего суперрегиона, как и я, чувствуют себя, прежде всего, сибиряком, затем только россиянином, а после этого – европейцем или азиатом в зависимости от национальности. Но сибиряки чувствуют себя и еще жителями дискриминируемой окраины в отношениях с Москвой» [44. С. 123]. Сама по себе идентификация «сибиряк» не является культурным или политическим сепаратизмом. Она представляет собой показатель полиэтничности России, где во множестве присутствуют сложные, множественные культурные самоидентификации граждан. Однако сибирская культурная идентичность – важнейшее условие для деятельности интеллектуалов, выступающих за суверенизацию Сибири.

Наличие сибирского самосознания активно пытаются применять для мобилизации населения немногочисленные политически активные сибирские сепаратисты, использующие для этого возможности СМК. Если оружием областников в XIX–XX вв. были книги и газеты, то для современных сибирских националистов основным оружием являются интернет-ресурсы. Их информацию государство не в состоянии оперативно контролировать. Используя возможности Всемирной паутины, интеллектуалы пытаются организовать широкое политическое движение и проводят резонансные акции, направленные на рост протестных настроений среди жителей региона. Самой громкой стала акция блогеров в ходе проведения всероссийской переписи населения 2010 г. Сибирские националисты призвали жителей региона указывать национальность «сибиряк». Этим они пытались доказать существование нации «сибиряков», имеющей право на национальное самоопределение. На это Росстат отреагировал резким заявлением, что «такую национальность в соответствующую графу заносить не будут» [45. С. 24], тем самым подогрев интерес к акции среди жителей Сибири и вызвав в прессе широкое обсуждение и популяризацию «сибирского сепаратизма» (чего и хотели организаторы акции). В результате многие жители региона решили записаться «сибиряками» просто из любопытства либо для того, чтобы выразить свой протест по поводу экономической политики федерального центра. Данные о количестве записавшихся сибиряков официально не публиковались, что дало возможность необластникам и прессе спекулировать на этой теме. В периодической печати встречались сведения, что, по разным оценкам,

«сибиряков» от 100 тыс. до 4 млн [46]. Следует признать, что акция вызвала интерес у сибиряков и бурное обсуждение в прессе перспектив сибирского сепаратизма.

Говоря о наличии сибирской идентичности, следует подчеркнуть, что в настоящее время она не имеет широкого распространения среди жителей региона. В мае–июне 2010 г. в Омске проводился социологический опрос, посвященный изучению этнокультурного многообразия и отношению населения к идее российской нации. Полученные данные свидетельствовали, что «большинство респондентов (74,4%) считают, что у жителей России больше сходств, чем различий. Основные различия респонденты связывают с уровнем обеспеченности (70,7% из них ответили, что в нашей стране значимые различия существуют между бедными, богатыми и среднеобеспеченными)» [47. С. 317–318]. Эти данные показывают, что пропаганда сибирского сепаратизма может иметь успех лишь в случае использования данных о неравенстве в уровне жизни сибиряков и москвичей, которые вызывали бы зависть и недовольство у сибиряков.

В-четвертых, в последнее время появляются свидетельства о попытках иностранных государств разыграть сибирскую карту для расчленения Российского государства и установления контроля над его сибирскими ресурсами. На этом акцентирует внимание С.В. Новиков. Он пишет: «С точки зрения ряда зарубежных политиков – “освоенная представителями всего мирового сообщества” и, как следствие, “принадлежащая всему человечеству”. Реализация проекта по отторжению региона от Российского государства находится на начальной, около 30 лет деятельности, стадии выполнения. О наличии подобного вида деятельности свидетельствуют попытки:

- обосновать отделение региона от СССР или РФ, с необходимостью создания “независимого” государства, под протекторатом США;

- прозондировать возможности реализации проектов создания этногосударственных объединений, как-то: Чукотско-Алеутская конфедерация, входящая одновременно в РФ и США;

- заявить о возможной покупке США территории Сибири подобно Аляске;

- распространение в регионе «научной литературы», обосновывающей целесообразность самостоятельности региона с последующим его переходом под международную юрисдикцию;

- поддержка научных и околонучных концепций, доказывающих отсутствие у РФ прав на владение регионом;

- эпизодическое распространение посредством СМИ вышперечисленных идей в доступной для усвоения форме» [48. С. 5–6].

Мы сознательно поставили данный фактор на последнее место поскольку иностранцы не способны дестабилизировать обстановку в стране, если в ней нет для этого значимых внутренних предпосылок которые они смогут использовать в своих интересах. Для того чтобы эффективно противостоять сибирскому сепаратизму, Российскому государству нужно просто эффективно решать социально-экономические

проблемы жителей региона и не допускать падения здесь жизненного уровня населения ниже, чем он находится в среднем по стране. В то же время теоретически фактор иностранного влияния на развитие сепаратизма в Сибири объясняет развитие сепаратизма в условиях относительной стабилизации Российского государства. Отметим, что историку сложно зафиксировать факты зарубежного влияния на распространение сепаратизма, так как если такая работа существует, ее ведут спецслужбы, умеющие скрывать свою деятельность.

Таким образом, следует признать, что в современных условиях существуют факторы, способствующие развитию сибирского сепаратизма. Это несправедливое распределение доходов внутри государства и деятельность активистов неонационалистического движения, пользующихся экономическим недовольством сибиряков. Кроме того, к факторам популяризации сибирского сепаратизма можно отнести достаточно бурное обсуждение его угрозы в СМК и работу из-за рубежа, направленную на расчленение России. Все это не дает угаснуть теме сибирского сепаратизма в общественном сознании.

Несмотря на действие указанных факторов, превращение сибирского сепаратизма в значимое явление политической жизни страны в данный момент представляется нереалистичным по ряду причин.

Во-первых, для развития сепаратизма необходимо существование этнической или гражданской сибирской идентичности с перспективой создания на ее основе нации. Отсутствие этнической группы или народа «сибиряки» лишает сибирский сепаратизм социальной базы для развития. Единицы современных жителей Сибири, самоидентифицирующие себя в качестве сибиряков, растворяются во множестве проживающих в Сибири представителей национальностей не желающих терять своей идентичности и культуры. Это и русские, среди которых в последние годы укрепилась православная вера, являющаяся основой для самоидентификации. Это и коренные сибирские народы, многие из которых в XX в. обрели национально-территориальную автономию в составе России, и массовый переход их представителей в «сибиряки» невозможен. Поэтому сибирский сепаратизм не имеет достаточной социальной базы.

Во-вторых, сибирский сепаратизм не имеет непрерывной, продолжительной истории развития, он не институализирован в массовом общественно-политическом движении. Отдельные всплески сибирского сепаратизма не связаны между собой. Легенда о сепаратизме М.П. Гагарина и тиражировавший ее дискурс не вызывали общественно-значимого политического резонанса в Российской империи. Формирование областнического движения во второй половине XIX в. основывалось на процессе складывания сибирской общности из сибирских крестьян-старожилков и казаков, но в результате революции и Гражданской войны в России данный процесс прервался. Современный всплеск сепаратизма в Сибири связан с недовольством населения социально-экономическими условиями жизни. Это позволяет говорить о том, что всплески сибирского сепаратизма были обусловлены разными причинами и не связаны между собой.

В-третьих, в современном российском обществе социальная мобильность граждан страны находится на достаточно высоком уровне. Гражданин России, не желающий жить в каком-то сибирском регионе, достаточно легко может поменять место жительства, переехав в другой российский регион или столицу. Не случайно многие «москвичи, скупившие провинцию», на деле оказываются успешными выходцами из регионов, где они когда-то проживали и теперь приобретают собственность, вкладывая свободные деньги [46]. Современное состояние транспортной инфраструктуры страны также не позволяет регионам замкнуться в себе. В общем, современные условия социальной мобильности не благоприятны для развития сепаратизма в Сибири.

На материалах истории Сибири, обращаясь к проблеме поиска критериев тождества национализма на одной территории, следует признать, что основой для признания тождества является наличие в определенных территориальных границах уже имеющейся или формирующейся культурной идентичности. На ее основе интеллектуалы вырабатывают идеи о национальном самоопределении, а элита ведет политическую борьбу под его лозунгами. При этом для тождества важно, чтобы борьба имела непрерывную историю, т.е. в той или иной форме велась активистами непрерывно и была институализирована в общественно-политическое движение или политическую партию. Анализ трехвековой истории всплесков сибирского сепаратизма показывает, что его не существовало непрерывно в своем развитии, но существовал сибирский дискурс, пропагандировавший идею самостоятельного политического развития Сибири, оспаривавший идею единства России. Этот дискурс основывался на эмоциях и чувствах жителей Сибири, которые испытывали эмоцию зависти к лучшим социальным условиям жизни в России, и такое положение жители края обоснованно считали несправедливым. Активизации движения за суверенизацию Сибири всегда была тесно связана с обострением общественно-политической ситуации в России, переводившим идеи сибирского национализма в область политической практики. Актуализация националистических дискурсов в Сибири связана с кризисными явлениями в жизни российской государственности. Сибирский национализм активизировался преимущественно в

периоды кризисов российской государственности: в 1860-х гг. на фоне реформ Александра II и всплеска революционного движения в России; в ходе Первой русской революции 1905–1907 гг.; в ходе Русской революции и Гражданской войны в России (1917–1923 гг.); в период Перестройки в СССР. В то же время в связи с его активизацией во второй декаде XXI в. нельзя сбрасывать со счетов и иностранное влияние, которое может стимулировать его развитие. На протяжении XIX–XXI вв. отмечаются всплески деятельности сибирских националистов, в интервалах между которыми движение за суверенизацию Сибири либо сходило на нет, либо было малоактивно и не играло в политической жизни заметной роли. Политические затухания сибирского национализма всегда были связаны с укреплением государства в России. Под общей вывеской сибирского областничества в конкретных исторических условиях существовали обособленные сепаратизмы, прерывавшие свое развитие. Периодические всплески сепаратизма в Сибири базируются на идее независимости региона и в каждом случае имеют собственные причины возникновения. Несмотря на устойчивость термина «областничество» (неообластничество), с точки зрения современного социального знания сибирских областников точнее называть сибирскими националистами, поскольку их деятельность по суверенизации Сибири основывалась на тезисе об этнографическом отличии сибиряка от русского и на стремлении к политическому самоопределению Сибири. Однако, как и прежде, в настоящее время сибирский национализм представляет собой «национализм без нации». Слишком небольшое количество жителей региона определяют свою идентичность как «сибиряк». Отсутствие в массах идентичности «сибиряк» лишает современных идеологов сибирского сепаратизма социальной базы и политической перспективы. В случае, если российские власти обратят внимание на экономические нужды Сибири, сибирский сепаратизм будет бесперспективен. В ином случае, при умелой пропаганде в СМИ (настроенной в первую очередь на эмоциональное, а затем уже и на идейное воздействие на аудиторию), демонстрирующей несправедливую экономическую политику Москвы и пропагандирующей сибирскую культурную идентичность, сибирский национализм может усилить свои позиции в регионе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Двойнев А.В. Отечественная историография сибирского областничества (60-е годы XIX века – 20-е годы XX века) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2006. 22 с.
2. Акишин М.О. Полицейское государство и сибирское общество. Эпоха Петра Великого. Новосибирск : Автор, 1996. 224 с.
3. Шиловский М.В. Судьбы, связанные с Сибирью: Биографические очерки. Новосибирск : ИД «Сова», 2007. 376 с.
4. Зайнутдинов А.Э. А.П. Щапов – предтеча сибирского областничества // Областническая тенденция в русской философской и общественной мысли: К 150-летию сибирского областничества / отв. ред. А.В. Малинов. СПб. : Изд. Дом СПб. ун-та, 2010. С. 39–56.
5. Потанин Г.Н. Воспоминания. Литературное наследство Сибири. Новосибирск : Зап.-Сибир. книж. изд-во, 1983. Т. 6. С. 22–327.
6. Шиловский М.В. Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона во второй половине XIX – первой четверти XX в. Новосибирск : ИД «Сова», 2008. 270 с.
7. Дело об отделении Сибири от России / публ. А.Т. Топчия, Р.А. Топчия ; сост. Н.В. Серебренников. Томск : Изд-во Том ун-та, 2002. 388 с.
8. Сушко А.В. Процессы суверенизации народов Сибири в годы Гражданской войны. 2-е изд., испр. и доп. М. : ЛЕНАНД, 2014. 376 с.
9. Шиловский М.В. Дело сибирских областников 1865 г. // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 1998. № 6. С. 229–246.
10. Коржавин В.К. К характеру сибирского общественного движения второй половины XIX века // Литературное наследство Сибири. Новосибирск : Зап.-Сибир. книж. изд-во, 1979. Т. 4. С. 7–15.

11. Ядринцев Н.М. Сочинения. Т. 1: Сибирь как колония: современное положение Сибири. Ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее / под ред. С.Г. Пархимовича. Тюмень : Изд-во Ю. Мандрики, 2000. 480 с.
12. Сибирская Советская энциклопедия. Новосибирск : Сибкрайиздат, 1929. Т. 1. 988 с.
13. Тишков В.А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М. : Наука, 2013. 649 с.
14. Ремнев А.В. Университетский вопрос в Сибири XIX столетия // Регион в истории империи: Исторические эссе о Сибири. Серия Новые границы. М. : Новое издательство, 2013. С. 97–127.
15. Потанин Г.Н. Нужды Сибири // Сибирь ее современное состояние и ее нужды. СПб., 1908. С. 260–294.
16. Новый сборник статей о Сибири // Сибирские вопросы. 1908. № 31–32. С. 26–28.
17. Сибирский Студент. 1915. № 1–2. С. 110–115.
18. Козьмин Н.Н. Областничество // Сибирские записки. 1918. № 1. С. 40–54.
19. Свободная Сибирь. 1917. 15 марта.
20. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-10073. Оп. 2. Д. 450. Л. 1.
21. Сибиряк и Крестьянин. 1917. 30 ноября.
22. Оба. Сепаратизм // Сибирские записки. 1918. № 4. С. 58–67.
23. Шиловский М.В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917–1920 гг. Новосибирск : Сибирский хронограф, 2003. 428 с.
24. Казаркин А.П. Завершающий текст областничества // Областническая тенденция в русской философской и общественной мысли: К 150-летию сибирского областничества / отв. ред. А.В. Малинов. СПб. : Изд. Дом СПб. ун-та, 2010. С. 75–79.
25. Величко С.А. Интеллигенция Сибири в годы перестройки (1985–1991) // Интеллигенция и мир. 2009. Т. 4. С. 52–70.
26. Томская трибуна. 1990. 9 мая.
27. Величко С.А. Неформальное общественно-политическое движение в Сибири, 1985–1991 // Вестник Оренбургского университета. 2005. № 9. С. 14–20.
28. Томская трибуна. 1990. 24 мая.
29. Новиков С.В. Идея областничества: стратегия и тактика политических сил и движений // Научная конференция памяти Н.М. Ядринцева. Омск, 1992. С. 97–99.
30. Новиков С.В. Общественно-политические движения, пресса, избиратель Западной Сибири: проблемы взаимодействия. 1988–1991 гг. Омск : Изд-во ОмГТУ, 1999. 144 с.
31. Величко С.А. Общественно-политическая жизнь Сибири (1985–1991 гг.). Омск : Изд-во ОмГТУ, 2004. 376 с.
32. Центр документации новейшей истории Томской области. Ф. 5825. Оп. 1. Д. 63.
33. Новиков С.В. Сибирские мотивы в политических «играх» и социально-экономических концепциях переходного периода (1990–1996 годов) // Использование регионального компонента базисного учебного плана в учреждении образования Омской области: опыт и проблемы. Омск, 1998. Ч. 1. С. 67–71.
34. Бакулина С.Д. Идеи областничества с сибирской публицистике конца XX – начала XXI в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2015. № 8 (58) : в 3-х ч. Ч. II. С. 34–37.
35. Сайт Межрегиональной ассоциации экономического взаимодействия субъектов Российской Федерации «Сибирское соглашение». URL: <http://sibacc.ru/mass/> (дата обращения: 10.02.2017).
36. Исторический архив Омской области (далее – ИАОО). Ф. П-9618. Оп. 1. Д. 177. (Фонд С.В. Новикова.)
37. ИАОО. Ф. П-9618. Оп. 1. Д. 180.
38. ИАОО. Ф. П-9618. Оп. 1. Д. 185.
39. Верхотуров Д.Н. Идея сибирской самостоятельности вчера и сегодня. Москва : АСТ ; Красноярск: АБУ ; Владимир : ВКТ, 2009. 331 с.
40. Герасименко О. Как колонией была, так и останется // Власть. 2012. № 15. 16 апреля. С. 17.
41. В Новосибирске прошел митинг «Хватит кормить Москву». URL: <http://newsland.com/news/detail/id/808392/> (дата обращения: 1.10.2015).
42. Герасименко О. Неудина Россия : [сб. статей]. М. : Commonplace, 2014. 116 с.
43. Дутчак Е.Е., Кашпур В.В. «Русский сибиряк», или Парадоксы региональной идентификации // Общественные науки и современность. 2013. № 4. С. 116–129.
44. Зиновьев В.П. Идеи областничества как выражение сибирской идентичности в исторической перспективе // Российская государственность: исторические перспективы и современность : материалы Всероссийской научной конференции к 1150-летию российской государственности и 70-летию Кемеровской области. Кемерово, 2012. С. 120–123.
45. Ореховский П. Москва и сибиряки // Бизнес-курс. 2010. № 40 (367). С. 24.
46. Терентьев Д. Москва еще спит. Экономические мотивы пришли на смену национальным // Аргументы недели. 2012. № 36 (328). С. 4.
47. Российская нация: становление и этнокультурное многообразие. М. : Наука, 2011. 462 с.
48. Новиков С.В. О возможностях противодействия сибирскому сепаратизму и политическому экстремизму посредством образовательной и воспитательной деятельности // Омский научный вестник. 2017. Сер. Общество. История. Современность. № 1. С. 5–8.

Статья представлена научной редакцией «История» 11 сентября 2017 г.

HISTORICAL IDEAS AND THE POLITICAL PRACTICE OF SIBERIAN SEPARATISM

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 426, 192–206.

DOI: 10.17223/15617793/426/23

Aleksey V. Sushko, Omsk State Technical University (Omsk, Russian Federation), Omsk Tank-Automotive Engineering Institute (Omsk, Russian Federation). E-mail: Alexsushko@rambler.ru

Keywords: nationalism; nation; identity; elite; intellectuals; intelligentsia; Siberian regionalism; Siberians.

The article formulates the problem of criteria for the identity of nationalism in one territory on the materials of the history of Siberia. It has significance for the theory of nation understanding. The correlation of ideas and practices of Siberian separatism is studied within the framework of the stated problem. In the interests of solving the stated problem with reference to the history of Siberian nationalism the article poses the question: is it possible to talk about the progressive development of the regional idea that has a three-hundred-year history or were there several unrelated splashes of nationalist discourse and “Siberian separatism” determined by the current social and political situation in Russia? The author justifies that the basis for recognizing the identity of nationalism in one territory is the presence of an already existing or emerging cultural identity in the existing territorial boundaries. Relying on this, intellectuals develop ideas about national self-determination, and the elite conduct a political struggle under such slogans. At the same time, it is important for an identity that this struggle has a continuous history, activists have to continuously struggle in one form or another. The analysis of the three-century history of Siberian separatism shows that it did not exist continuously, but there was a Siberian discourse that propagated the idea of an independent political development for Siberia which challenged the idea of

Russia's unity. This discourse was based on the emotions and feelings of the Siberians who envied the better social conditions of life in Russia and reasonably considered this situation unfair. The activation of the movement for the sovereignty of Siberia was always closely connected with the aggravation of the social and political situation in Russia that transformed the ideas of Siberian nationalism into a political practice. The actualization of nationalist discourses in Siberia is associated with the crises of Russian statehood. Siberian nationalism became more active during the periods of crises of the Russian statehood. The periodical outbursts of separatism in Siberia are based on the idea of Siberian independence, and in each case they have their own causes. If the Russian authorities pay attention to the economic needs of Siberia today, Siberian separatism will be unpromising. Otherwise, the unfair economic policy demonstrated by the federal government in Moscow and the spreading of Siberian cultural identity with skilful propaganda in the mass media (aimed primarily at the emotional and then ideological influence on the audience) can make Siberian nationalism stronger than in the past.

REFERENCES

1. Dvoynov, A.V. (2006) *Otechestvennaya istoriografiya sibirskogo oblastnichestva (60-e gody XIX veka – 20-e gody XX veka)* [Domestic historiography of Siberian regionalism (1860s–1920s)]. Abstract of History Cand. Diss. Omsk.
2. Akishin, M.O. (1996) *Politseyskoe gosudarstvo i sibirskoe obshchestvo. Epokha Petra Velikogo* [Police state and Siberian society. Epoch of Peter the Great]. Novosibirsk: Avtor.
3. Shilovskiy, M.V. (2007) *Sud'by, svyazannye s Sibir'yu: Biograficheskie ocherki* [Destinies related to Siberia: Biographical essays]. Novosibirsk: ID "Sova".
4. Zaynutdinov, A.E. (2010) A.P. Shchapov – predtecha sibirskogo oblastnichestva [A.P. Shchapov, the forerunner of Siberian regionalism]. In: Malinov, A.V. (ed.) *Oblastnicheskaya tendentsiya v russkoy filosofskoy i obshchestvennoy mysli: K 150-letiyu sibirskogo oblastnichestva* [Regional tendency in Russian philosophical and social thought: To the 150th anniversary of Siberian regionalism]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
5. Potanin, G.N. (1983) *Vospominaniya. Literaturnoe nasledstvo Sibiri* [Memories. Literary heritage of Siberia]. Vol. 6. Novosibirsk: Zap.-Sibir. knizh. izd-vo.
6. Shilovskiy, M.V. (2008) *Sibirskoe oblastnichestvo v obshchestvenno-politicheskoy zhizni regiona vo vtoroy polovine XIX – pervoy chetverti XX v.* [Siberian regionalism in the socio-political life of the region in the second half of the 19th – first quarter of the 20th centuries]. Novosibirsk: ID "Sova".
7. Serebrennikov, N.V. (2002) *Delo ob otdelenii Sibiri ot Rossii* [The case of the separation of Siberia from Russia]. Tomsk: Tomsk State University.
8. Sushko, A.V. (2014) *Protsessy suverenizatsii narodov Sibiri v gody Grazhdanskoy voyny* [The sovereignization of the peoples of Siberia during the Civil War]. 2nd ed. Moscow: LENAND.
9. Shilovskiy, M.V. (1998) Delo sibirskikh oblastnikov 1865 g. [The case of Siberian regionalists in 1865]. *Izvestiya Omskogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya*. 6. pp. 229–246.
10. Korzhavin, V.K. (1979) K kharakteru sibirskogo obshchestvennogo dvizheniya vtoroy poloviny XIX veka [On the nature of the Siberian social movement of the second half of the 19th century]. In: Yadrintsev, N.M. (ed.) *Literaturnoe nasledstvo Sibiri* [Literary heritage of Siberia]. Vol. 4. Novosibirsk: Zap.-Sibir. knizh. izd-vo.
11. Yadrintsev, N.M. (2000) *Sochineniya* [Works]. Vol. 1. Tyumen: Izd-vo Yu. Mandriki.
12. Azadovskiy, M.K. et al. (eds) (1929) *Sibirskaya Sovetskaya entsiklopediya* [Siberian Soviet Encyclopedia]. Vol. 1. Novosibirsk: Sibkrayizdat.
13. Tishkov, V.A. (2013) *Rossiyskiy narod: istoriya i smysl natsional'nogo samosoznaniya* [The Russian people: the history and meaning of national identity]. Moscow: Nauka.
14. Remnev, A.V. (2013) *Universitetskiy vopros v Sibiri XIX stoletiya* [The university issue in Siberia in the 19th century]. In: *Region v istorii imperii: Istoricheskie esse o Sibiri. Seriya Novye granitsy* [Region in the history of the empire: Historical essays on Siberia. New Boundaries Series]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
15. Potanin, G.N. (1908) *Nuzhdy Sibiri* [The needs of Siberia]. In: Mel'nik, I.S. (ed.) *Sibir', ee sovremennoe sostoyanie i ee nuzhdy* [Siberia, its current state and its needs]. St. Petersburg: Izdanie A.F. Devriena.
16. Sibirskie voprosy. (1908) *Novyy sbornik statey o Sibiri* [A new collection of articles on Siberia]. *Sibirskie voprosy*. 31–32. pp. 26–28.
17. *Sibirskiy Student*. (1915). 1–2. pp. 110–115.
18. Koz'min, N.N. (1918) *Oblastnichestvo* [Regionalism]. *Sibirskie zapiski*. 1. pp. 40–54.
19. *Svobodnaya Sibir'*. (1917). 15 March.
20. State Archive of the Russian Federation. Fund R-10073. List 2. File 450. Page 1. (In Russian).
21. *Sibir'yak i Krest'yanin*. (1917). 30 November.
22. *Sibirskie zapiski*. (1918) *Oba. Separatizm* [Both. Separatism]. *Sibirskie zapiski*. 4. pp. 58–67.
23. Shilovskiy, M.V. (2003) *Politicheskie protsessy v Sibiri v period sotsial'nykh kataklizmov 1917–1920 gg.* [Political processes in Siberia during the period of social cataclysms in 1917–1920]. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf.
24. Kazarkin, A.P. (2010) *Zavershayushchiy tekst oblastnichestva* [The final text of regionalism]. In: Malinov, A.V. (ed.) *Oblastnicheskaya tendentsiya v russkoy filosofskoy i obshchestvennoy mysli: K 150-letiyu sibirskogo oblastnichestva* [Regionalism tendency in Russian philosophical and social thought: To the 150th anniversary of Siberian regionalism]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
25. Velichko, S.A. (2009) *Intelligentsiya Sibiri v gody perestroiki (1985–1991)* [Intellectuals of Siberia in the years of perestroika (1985–1991)]. *Intelligentsiya i mir*. 4. pp. 52–70.
26. *Tomskaya tribuna*. (1990). 9 May.
27. Velichko, S.A. (2005) *Neformal'noe obshchestvenno-politicheskoe dvizhenie v Sibiri, 1985–1991* [Informal socio-political movement in Siberia, 1985–1991]. *Vestnik Orenburgskogo universiteta*. 9. pp. 14–20.
28. *Tomskaya tribuna*. (1990). 24 May.
29. Novikov, S.V. (1992) [The idea of regionalism: the strategy and tactics of political forces and movements]. *A conference in memory of N.M. Yadrintsev*. Omsk: Omsk State University. pp. 97–99. (In Russian).
30. Novikov, S.V. (1999) *Obshchestvenno-politicheskie dvizheniya, pressa, izbratel' Zapadnoy Sibiri: problemy vzaimovliyaniya. 1988–1991 gg.* [Social and political movements, the press, the voter of Western Siberia: the problems of mutual influence. 1988–1991]. Omsk: Omsk State Technical University.
31. Velichko, S.A. (2004) *Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' Sibiri (1985–1991 gg.)* [Social and political life of Siberia (1985–1991)]. Omsk: Omsk State Technical University.
32. Center for Documentation of the Modern History of Tomsk Oblast. Fund 5825. List 1. File 63. (In Russian).
33. Novikov, S.V. (1998) *Sibirskie motivy v politicheskikh "igrakh" i sotsial'no-ekonomicheskikh kontseptsiyakh perekhodnogo perioda (1990–1996 godov)* [Siberian motifs in political "games" and socio-economic concepts of the transition period (1990–1996)]. In: Chalmaev, V.A. (ed.) *Ispol'zovanie regional'nogo komponenta bazisnogo uchebnogo plana v uchrezhdenii obrazovaniya Omskoy oblasti: opyt i problemy* [Using the regional component of the basic curriculum in the educational establishment of Omsk Oblast: experience and problems]. Omsk.

34. Bakulina, S.D. (2015) Ideas of regionalism in Siberian social and political journalism at the end of the XX – the beginning of the XXI century. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki – Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 8 (58):II. pp. 34–37. (In Russian).
35. The site of the Interregional Association for Economic Cooperation of the Subjects of the Russian Federation “Siberian Accord”. [Online] Available from: <http://sibacc.ru/mass/>. (Accessed: 10.02.2017). (In Russian).
36. Historical Archive of Omsk Oblast (IAOO). Fund P-9618. List 1. File 177. (S.V. Novikov's Fund). (In Russian).
37. Historical Archive of Omsk Oblast (IAOO). Fund P-9618. List 1. File 180. (In Russian).
38. Historical Archive of Omsk Oblast (IAOO). Fund P-9618. List 1. File 185. (In Russian).
39. Verkhoturov, D.N. (2009) *Ideya sibirskoy samostoyatel'nosti vchera i segodnya* [The idea of Siberian independence yesterday and today]. Moscow: AST; Krasnoyarsk: ABU; Vladimir: VKT.
40. Gerasimenko, O. (2012) Kak koloniy byla, tak i ostanetsya [It was a colony, and it will be]. *Vlast'*. 15. 16 April. pp. 17.
41. Newsland.com. (2011) *V Novosibirsk proshel miting “Khvatit kormit' Moskvu”* [In Novosibirsk, a rally “Enough to feed Moscow” was held]. [Online] Available from: <http://newsland.com/news/detail/id/808392/>. (Accessed: 1.10.2015).
42. Gerasimenko, O. (2014) *Needinaya Rossiya* [Non-United Russia]. Moscow: Commonplace.
43. Dutchak, E.E. & Kashpur, V.V. (2013) “Russkiy sibiryak”, ili Paradoksy regional'noy identifikatsii [“A Russian Siberian”, or Paradoxes of Regional Identity]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 4. pp. 116–129.
44. Zinov'ev, V.P. (2012) [Ideas of regionalism as an expression of Siberian identity in the historical perspective]. *Rossiyskaya gosudarstvennost': istoricheskie perspektivy i sovremennost'* [Russian statehood: historical perspectives and modernity]. Proceedings of the all-Russian conference to the 1150th anniversary of the Russian statehood and the 70th anniversary of Kemerovo Oblast. Kemerovo: Kemerovo State University. pp. 120–123. (In Russian).
45. Orekhovskiy, P. (2010) Moskva i sibiriyaki [Moscow and the Siberians]. *Biznes-kurs*. 40 (367). pp. 24.
46. Terent'ev, D. (2012) Moskva eshche spit. Ekonomicheskie motivy prishli na smenu natsional'nym [Moscow is still asleep. Economic motives came to replace national ones]. *Argumenty nedeli*. 36 (328). pp. 4.
47. Tishkov, V.A. (ed.) (2011) *Rossiyskaya natsiya: stanovlenie i etnokul'turnoe mnogoobrazie* [Russian nation: formation and ethno-cultural diversity]. Moscow: Nauka.
48. Novikov, S.V. (2017) Opportunities to counteract Siberian separatism and political extremism by education and educational activities. *Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost' – Omsk Scientific Bulletin. Series “Society. History. Modernity”*. 1. pp. 5–8. (In Russian).

Received: 11 September 2017